

К.К. Остроумов

Свадебные обычаи в Древней Руси

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К11 **К.К. Остроумов**
Свадебные обычаи в Древней Руси / К.К. Остроумов – М.: Книга по Требова-
нию, 2013. – 72 с.

ISBN 978-5-517-90433-1

Историко-этнографический очерк. Репринтное издание по технологии print-
on-demand с оригинала 1905 года

ISBN 978-5-517-90433-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дворянскимъ чиномъ разнится, сколько кого станетъ“²⁾. Частыя указанія на богатство и торжественность древне-русскихъ княжескихъ и боярскихъ свадебъ находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Какъ на примѣръ свадьбы, выдающейся изъ ряда свадебъ въ древней Руси по богатству, пышности и торжественности, лѣтописецъ указываетъ на свадьбу Верхуслavy, дочери великаго князя Суздальскаго Всеволода III-го, съ Ростиславомъ, сыномъ Рюрика, княжившаго въ Бѣлгородѣ. „На борисовъ день, говоритъ лѣтописецъ, отдалъ великій князь Всеволодъ дочь свою Верхуславу, и далъ за нею безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами, и отпустилъ съ великою честію... Съ своей стороны, князь Рюрикъ сыгралъ сыну Ростиславу свадьбу богатую, какою не бывало на Руси“³⁾.. Въ описаніяхъ лѣтописцемъ древне-русскихъ княжескихъ свадебъ не рѣдко встрѣчаются выраженія: „бракъ великъ“, „вельми сильна свадьба“⁴⁾, указывающія на особенное богатство, торжество и веселіе свадьбы. Само собою, конечно, понятно, что, какъ одно изъ самыхъ важныхъ и торжественныхъ событій въ жизни человѣка, свадьба въ древней Руси обставлялась возможными пышностью и веселіемъ. По веселой обстановкѣ и торжественности, отличавшихъ древне-русскую свадьбу, послѣдняя у лѣтописца называется иногда просто „веселіемъ“⁵⁾.

Говоря о свадьбахъ и свадебныхъ обрядахъ въ древней Руси, нельзя не коснуться весьма важнаго вопроса о томъ, какъ относился древне-русскій человѣкъ къ церковному собственно благословенію брака, къ церковному чину вѣнчанія.—Какъ мы увидимъ, послѣдній не могъ скоро привиться въ средѣ простого народа, по принятіи имъ христіанской вѣры. Въ простонародьи вѣнчаніе долгое время замѣнялось языческими дѣйствіями и обрядами, въ родѣ, напр., обхожденія вокругъ озера, дерева и пр. Указаніе на языческую форму вѣнчанія можно видѣть въ пословицѣ, еще до сихъ поръ живущей у русскаго народа: „вѣнчали вокругъ ели, а бѣсы пѣли“. Происхожденіе этой пословицы можно отнести къ первымъ временамъ христіанства на Руси. Этой пословицей, несомнѣнно,

²⁾ Котошихинъ: „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“. С.П.Б. 1840 г., стр. 124.

³⁾ П. С. Р. Л., т. II-й, стр. 136.

⁴⁾ Тамъ-же, т. II-й стр. 125, 136.

⁵⁾ Тамъ же, т. I, стр. 220; т. II, стр. 198.

отмѣчено древнее бытовое явленіе, входившее въ древне-славянскій свадебный ритуалъ,—обхожденіе вокругъ зеленѣющаго дерева⁶⁾. Конечно, свадебное торжество не ограничивалось только указаннымъ нами обрядомъ. Различные памятники, какъ увидимъ, начиная съ XI—в., свидѣтельствуютъ о слабомъ усвоеніи народомъ церковнаго вѣнчанія, о стремленіи его избѣгнуть этого послѣдняго. Остатокъ языческихъ обычаевъ жилъ долгое время послѣ принятія христіанства, продолжаетъ жить и до сихъ поръ. Уже приведенная пословица, относящаяся, какъ мы сказали, къ первымъ временамъ у насъ христіанства, достаточно свидѣтельствуетъ о смѣси возрѣвнѣй христіанскихъ, чисто церковныхъ и языческихъ. Съ одной стороны, мы видимъ церковное, относящееся къ христіанскому таинству брака, выраженіе—„вѣнчали“, съ другой,—„бѣсы“, „ели“, выраженія, свидѣтельствующія о древне-миѣическихъ вѣрованіяхъ въ лѣсныя божества, лѣшихъ или лѣсовиковъ.

Двоевѣріе въ жизни древне-русскаго человѣка обуславливалось въ значительной степени быстрымъ введеніемъ христіанства и недостаточной подготовкой къ его принятію со стороны народа. Привыкшій повиноваться власти старшаго, который имѣлъ неограниченную власть, при господствѣ у древнихъ славянъ такъ называемаго *родового* начала, древне-русскій человѣкъ безотчено вѣрилъ и слѣдовалъ тому, что дѣлалось высшею властью: онъ принималъ христіанство, по большей части, потому, что его принимали князья и другія лица. Христіанство, какъ новая религія, не мирившаяся съ языческими понятіями и правилами жизни славянина, естественно, ему казалось чуждымъ, непривычнымъ. Въ виду неподготовленности къ принятію христіанства древне-русскаго общества въ послѣднемъ не могло идти быстро усвоеніе и распространеніе христіанскихъ понятій и правилъ жизни. Сознаніе этого жило въ тогдашнемъ княжескомъ обществѣ. Въ данномъ случаѣ достаточно привести себѣ на память слѣдующій фактъ. Великая княгиня Ольга, принявши христіанство, пожелала, что-бы ея примѣру послѣдовалъ и ея сынъ Святославъ, но послѣдній, не смотря на всѣ старанія и уговоры матери, не желалъ этого сдѣлать, говоря: „какъ это я приму новую вѣру одинъ, а дружина вѣдь этому смѣяться будетъ“⁷⁾. Сказаннымъ объясняется,

⁶⁾ Н. О. Сумцовъ: „Религіозно-миѣическое значеніе малорусской свадьбы“. Кіевъ. 1885 г., стр. 14.

⁷⁾ И. Забылинъ: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“. Москва. 1879 г., ч. 2-я, стр. 202.

почему долгое время было у нашего народа языческое пониманіе брака. Это пониманіе не могло скоро искорениться, потому что оно имѣло за собою вѣковую древность исторіи: языческія понятія о бракѣ вошли въ плоть и кровь древне-русскаго человѣка.

Насколько, дѣйствительно, сильно и продолжительно было вліяніе въ древней Руси языческихъ понятій и обычаевъ, видно изъ того, что въ народѣ долгое время, послѣ принятія христіанства, до XVI в. и дальше, имѣло мѣсто сожительство безъ церковнаго благословенія и вѣчанія. Какъ увидимъ ниже, на этотъ фактъ весьма часто указывали многіе древне-русскіе пастыри и іерархи.

Вліяніе на бракъ простолюдина христіанства, принесеннаго изъ Византіи, свадебныхъ обычаевъ и узаконеній византійскихъ долгое время было весьма слабымъ. Большее вліяніе можно видѣть на бракахъ высшей среды — князей, которые по самому положенію своему стояли гораздо ближе къ дѣйствию христіанства и принесенныхъ съ нимъ изъ Византіи обычаевъ и уставовъ. Мы увидимъ, что нѣкоторые свадебные обычаи, издавна существовавшіе въ средѣ древне-русскаго человѣка, съ дѣйствіемъ византійскихъ узаконеній и обычаевъ должны были еще болѣе укрѣпиться, получить отъ нихъ свою санкцію. Увидимъ, что нѣкоторые обычаи прямо заимствованы были изъ Греціи. Свадебные обычаи, имѣвшіе мѣсто дома, при житейской, чисто домашней обстановкѣ, входили, какъ увидимъ, и въ самое чинопослѣдованіе церковнаго вѣчанія, употреблялись при немъ, какъ необходимая принадлежность. Различнаго рода народныя повѣрія, относящіяся къ брачной жизни, прилагались къ различнымъ дѣйствіямъ и моментамъ церковнаго вѣчанія.

Среди множества существовавшихъ въ древней Руси свадебныхъ обычаевъ, нѣкоторые, на первый взглядъ, пожалуй, покажутся странными, мелочными и неимѣющими серьезнаго значенія для историка. Многія черты древне-русской свадьбы являются, повидимому, смѣшными, возбуждающими одно лишь любопытство. Но это только *повидимому*. „Каждая черта временъ былыхъ, говоритъ Бѣлинскій, драгоценна. Тутъ не можетъ быть ничего неважнаго, лишняго, бесполезнаго. Если мы съ благоговѣніемъ смотримъ на мѣдную монету временъ царей и хранимъ ее, какъ святыню, то что же должно сказать о всякой строкѣ, которая или обогащаетъ важнымъ историческимъ фактомъ, освящая темную сторону какого-нибудь

событія, или свидѣтельствуемъ намъ объ образѣ жизни, о понятіяхъ, объ обычаяхъ нашихъ предковъ?⁹⁾

Чтобы составить ясное понятіе о свадебныхъ обычаяхъ предковъ, объяснить существованіе и развитіе обычаевъ въ позднѣйшее время, обратимся къ самому отдаленному времени жизни славянскаго народа, къ его, такъ сказать, юности. Цѣль нашего настоящаго очерка состоитъ именно въ томъ, чтобы рассмотреть, по возможности, всѣ, болѣе или менѣе важные, обычаи, существовавшіе въ свадебномъ обиходѣ въ древней Руси, указать ихъ происхожденіе, смыслъ и значеніе, указать также, какіе изъ свадебныхъ обычаевъ, издавна существовавшихъ у нашихъ предковъ, не потеряли еще до настоящаго времени силы и значенія въ быту народа.

I.

Свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ славянскихъ племенъ, существовавшихъ еще во времена языческихъ, можно находить въ начальной лѣтописи имени Нестора. Здѣсь же можно находить и повѣствованія о бракахъ русскихъ князей. Руссы, безъ сомнѣнія, имѣли свои обычаи, которые, однако, не оказали вліянія на обычаи славянъ. Вліяніе руссовъ не замѣтно ни въ религіи, ни въ обычаяхъ. Руссы не имѣли вліянія на славянскій бытъ, они сами „ославянились“⁹⁾. При описаніи древнихъ свадебныхъ обычаевъ славянскаго народа, нужно не забывать его родового быта, при господствѣ котораго, какъ нами уже было указано, бракъ имѣлъ весьма важное значеніе.

Древняя свадьба и свадебные обычаи, мы видѣли, обращаютъ на себя особенное вниманіе историковъ древняго славяно-русскаго быта. Это и понятно. Свадьба, вѣдь, со всѣми своими чертами служитъ довольно яркимъ обнаруженіемъ личности народа, его нравственной, матеріальной и соціальной развитости. Лѣтописецъ именно въ брачныхъ обычаяхъ полагаетъ самое рѣзкое выраженіе нравственныхъ понятій народа. Различіе въ брачныхъ обычаяхъ онъ считаетъ за основное нравственное различіе между славянскими племенами. Такъ, описывая нравы и обычаи полянъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что они имѣли обычаи своихъ отцовъ крѣпкій и тихій, имѣли стыдъ къ снохамъ своимъ, сестрамъ и родителямъ; имѣли свой брачный обычай: зять не ходилъ за невѣстой, но ее приводили ве-

⁹⁾ „Научное Обозрѣніе“. 1900 г., Октябрь, стр. 1713.

черомъ, а на другое утро приносили по ней то, что дадутъ ¹⁰⁾. Правы и обычаи другихъ славянскихъ племенъ описываются лѣтописцемъ иначе, совершенно другими красками. „Древляне, напр., по описанію его, жили по скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, но существовала умычка дѣвицъ у воды. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне имѣли одинаковый обычай: они жили въ лѣсу подобно звѣрямъ, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и снохами, браковъ у нихъ не было, но только—игрища между селами, гдѣ каждый похищалъ себѣ жену, съ какою кто сговорился; имѣли они по двѣ и по три жены. Тѣ же обычаи имѣли и Кривичи и прочіе поганые (т. е., язычники) ¹¹⁾. Такъ и при настѣ теперь,—прибавляетъ лѣтописецъ, Половцы держатъ законъ своихъ отцовъ, ѣдятъ нечистое, поймаютъ мачехъ своихъ и ятровей и иные подобные обычаи творятъ“ ¹²⁾.

Видно, что у различныхъ племенъ, въ одно и то же время, существовали различные брачные обычаи, различные способы заключенія брачныхъ союзовъ. Въ описаніи лѣтописцемъ свадебныхъ обычаевъ нельзя не видѣть указанія на два образа заключенія браковъ у нашихъ предковъ славянъ: на образъ „веденія“ женъ или привода невесты къ жениху, и на „умычку“ женъ во время „бѣсовскихъ игрищъ“, или похищеніе дѣвушекъ во время языческихъ празднествъ. Первый образъ заключенія браковъ былъ у полянъ, второй—у прочихъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго Государства. Съ точки зрѣнія лѣтописца и съ современной точки зрѣнія, бракъ у полянъ, состоявшій въ „веденіи“ къ жениху невесты и въ принесеніи за ней *приданого* ¹³⁾, былъ ближе къ христіанской, византійской формѣ брака. Эго, конечно, обуславливалось вліяніемъ христіанства, христіанскихъ понятій и византійскихъ законовъ, еще ранѣе введенія христіанства при св. князѣ Владимірѣ извѣстныхъ полянамъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ Греками и съ другими наро-

¹⁰⁾ П. С. Р. Л., т. I стр. 6: „Нехожаше зять по невесту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней, что вдадучи“. Въмѣсто „зять“ въ Ипатьев., Радз. спискахъ читается „женихъ“; въмѣсто „по ней что“ въ Ипатьев. „что по ней“.....

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 6.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 7.

¹³⁾ Если принять чтеніе Лаврентьевскаго списка лѣтописи: „а завѣтра приношаху по ней, что вдадуче“.

дами, уже жившими гражданской жизнью ¹⁴). Бракъ, совершавшійся въ формѣ такъ называемаго „веденія“ женъ, перейдя, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, къ полянамъ раньше, чѣмъ къ другимъ славянскимъ племенамъ, примѣнялся первоначально у людей высшаго и знатнаго класса — князей, бояръ и дружинниковъ, впоследствии же приобрѣлъ господство вездѣ, отстранивъ бракъ посредствомъ похищенія или умычки. Послѣдній способъ заключенія брака, менѣе совершенный сравнительно съ указаннымъ „веденіемъ“ женъ, является древнѣйшимъ общеславянскимъ обычаемъ, долго хранившимся въ быту древне-русскаго челоуѣка. Бракъ посредствомъ похищенія или умычки самъ по себѣ являлся въ высшей степени грубымъ: „онъ, быть можетъ, былъ, говоритъ В. Шульгинъ, естественнымъ переходнымъ шагомъ отъ общенія женъ (connubia communia), совершавшагося въ видѣ вакханалій на религіозныхъ языческихъ празднествахъ, къ нѣсколько опредѣленному браку“ ¹⁵). Похищеніе, свидѣтельствующее само по себѣ о крайней грубости и нравственной неразвитости народа, по указанію лѣтописца, не всегда, однако, имѣло характеръ насилія; иногда похищеніе совершалось съ согласія похищаемой („умыкаху жены себѣ съ нею же кто совѣщашеся“) ¹⁶). Ясно, такимъ образомъ, что при умычкахъ не всегда отсутствовало взаимное согласіе умыкателя съ умыкаемой. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ лѣтописца умычка настолько низкій и грубый обычай, что не заслуживаетъ даже названія брака („брака у нихъ не бываше“). Бракомъ называется у лѣтописца „веденіе“ женъ, имѣвшее мѣсто у полянъ. О послѣднихъ лѣтописецъ отзывался вообще съ похвалою. Правда, говоря о брачныхъ обычаяхъ полянъ, лѣтописецъ и не говоритъ прямо, напр., объ отсутствіи у нихъ многоженства, однако, по противоположенію съ тѣмъ, что онъ говоритъ о другихъ славянскихъ племенахъ, можно думать, что его у нихъ не существовало. О другихъ славянскихъ племенахъ лѣтописецъ говоритъ, что они имѣли по двѣ и по три жены. Изъ описанія, далѣе, цѣломудрія полянъ видно, что у нихъ, при вступленіи въ бракъ, обращалось вниманіе, какъ на родство, такъ и на свойство.

¹⁴) П. С. Р. Л., т. I, стр. 14, 20, 22 и 23; Срав. И. Забѣлина: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“. Т. I, стр. 516.

¹⁵) В. Шульгинъ: „О состояніи женинъ въ Россіи до Петра Великаго“. Кіевъ. 1850 г., стр. 15; ср. 4.

¹⁶) П. С. Р. Л., т. I, стр. 6.

Затѣмъ, мы видимъ характерную черту, которая проходитъ черезъ всю почти нашу исторію и которая нашла свое выраженіе въ знаменитомъ „Домостроѣ“ XVI в., это—авторитетъ главы, старшаго въ семьѣ, власть родителей, отъ воли которыхъ зависѣлъ, можно сказать, каждый шагъ дѣтей, а тѣмъ болѣе такой, какъ бракъ. Власть и авторитетъ родителей, какъ можно думать, имѣли большое значеніе у полянъ. У послѣднихъ, по замѣчанію лѣтописца, женихъ самъ не ходилъ за невѣстой, но ее приводили къ нему. О взаимномъ согласіи здѣсь ничего не говорится. Это понятно изъ того, что сказано лѣтописцемъ объ уваженіи у полянъ къ родственнымъ связямъ, куда нужно отнести и уваженіе дѣтей къ волѣ ихъ родителей. Это можно видѣть и изъ браковъ князей, напр., Игоря съ Ольгой ¹⁷⁾ и Ярополка съ Гречанкою ¹⁸⁾. Если же обращалось вниманіе на собственное желаніе брачующихся, то очень малое, какъ увидимъ изъ послѣдующихъ браковъ князей. Лѣтопись указываетъ очень рѣдко на заключеніе браковъ по взаимному согласію брачующихся. Выдающійся случай представляетъ въ данномъ отношеніи сватовство Владиміра за Рогнѣду. Объ этомъ въ лѣтописи говорится слѣдующее: „и сѣде Володимеръ въ Новѣгородѣ, и посла къ Рогъвонду Полотѣску, глаголя: хочю пояти дѣчерь твою собѣ женѣ. Онъ же рече дѣчери своей: хочеши ли за Володимера? Она же рече: не хочю розути робичича, по Ярополка хочю“ ¹⁹⁾. Изъ приведенныхъ словъ видно, что родитель, не желая нарушать и стѣснять волю дочери, спрашиваетъ ея согласія относительно вступленія ея въ бракъ.

Приведенное мѣсто лѣтописи важно для насъ и въ другомъ отношеніи: оно свидѣтельствуетъ о древнемъ свадебномъ обычаѣ, существовавшемъ у насъ и въ позднѣйшее время, обычай разуванія молодою своего мужа въ первую ночь послѣ свадьбы.

¹⁷⁾ Тамъ же, т. 1, стр. 12: „Игоревѣ възрастѣшю и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу [Р. Т.: „отъ Пьескова именемъ Олену (Олгу)].“

¹⁸⁾ Тамъ же, т. I, стр. 32: „У Ярополка же жена Грекиня бѣ, и бяше была черпицею, бѣ бо привелъ отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея“.

¹⁹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 32. „Не хочю розути робичича“=не хочу разуть сына рабыни, такъ какъ мать Владиміра была ключницей. велик. княгини Ольги, она называлась Малуша, была дочь Малька простого жителя города Любеча. См. П. С. Р. Л., т. I, стр. 29,

Обычай разуванія выражалъ со стороны жены покорность и полное послушаніе своему мужу. По свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ началѣ XVI в. и въ XVII в. и оставившихъ о ней свои записки, обычай разуванія соединялся съ ударами со стороны мужа своей молодой жены плетью или голенищемъ сапога. Этотъ обычай въ XVI и XVII в.в. исполнялся даже при княжескихъ и боярскихъ бракахъ ²⁰⁾. На обычай разуванія можно находить указаніе въ былинѣ „Объ Иванѣ Годиновичѣ и Овдотѣ-Лебеди Бѣлой“. Здѣсь Иванъ говоритъ: „ужь, ты, душечка, Овдотья.... разуй-ка у меня сафьянъ сапогъ“.... ²¹⁾.

Въ свидѣтельствѣ лѣтописца о бракахъ славянскихъ племенъ мы видѣли указаніе, что у племенъ—Древлянъ, Радимичей и пр., брака не было, но что эти племена умыкали или похищали себѣ женъ. Выраженіе „брака не было“ нужно понимать въ томъ, очевидно, смыслѣ, что онъ не совершался такъ, какъ должно, по мнѣнію лѣтописца, т. е., съ согласія родителей или родственниковъ невѣсты, что было у полянъ ²²⁾. Несомнѣнно, конечно, у Древлянъ и другихъ славянскихъ племенъ были языческіе обычаи, по своему освящавшіе брачный союзъ. Уже то, что похищались дѣвицы у воды, можетъ указывать на соблюденіе тогда какихъ-либо обрядовъ, дѣйствій. Лѣтописецъ, обычно, говоритъ кратко, отрывочно, не указывая ни на обряды, ни на разныя дѣйствія, исполнявшіеся при водѣ. Но поясненіе того, что выражено не ясно и отрывочно, находимъ въ другихъ позднѣйшихъ источникахъ, говорящихъ намъ о томъ, напр., что, по введеніи у насъ христіанства, при свадьбахъ употреблялась вода, совершалось ею обливаніе или плесканіе, которое замѣняло у народа благословеніе и церковное вѣнчаніе ²³⁾. Въ отдаленную эпоху жизни нашихъ

²⁰⁾ А. Терещенко: „Быть русскаго народа“, ч. 2-я, стр. 35—36; Ив. Сахарова: „Сказанія русскаго народа“. СПб., 1849 г., т. II-й, кн. 6-я, стр. 28—29; Г. Георіевскій: „Древне-русскія свадьбы“ (см. журн. „Русское Ообозрѣніе“, 1894 г., Декабрь, стр. 861—862).

²¹⁾ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, ч. ССХСІХ (1895 г.). стр. 332.

²²⁾ Соловьевъ. „Исторія Россіи“, т. I, стр. 62.

²³⁾ „Русскія достопамятности“, ч. 1, стр. 101; „Русская Историческая бібліотека“, т. VI, стр. 99; Снѣгиревъ. „Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды“. Москва. 1887 г. вып. 1, стр. 25, 55; „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, кн. 1, стр. 14.

предковъ, въ эпоху, когда въ силѣ былъ обычай „похищенія“ или „умычки“ невѣсть, водѣ придавалось большое значеніе при заключеніи брачнаго союза. Рѣки, ручьи, озера были мѣстами, гдѣ часто заключались браки язычника—славянина. Достаточно было объѣхать свадебному поѣзду трижды вокругъ, напр., озера, чтобы считать бракъ совершеннымъ. Впослѣдствіи долгое время, по принятіи нашими предками христіанской вѣры, обычай этотъ держался въ народѣ, замѣняя собою церковный чинъ вѣнчанія. Въ XII—XIII столѣтіи наши церковные писатели и іерархи возставали противъ такого почитанія воды. „Се слышахомъ, писалъ Кириллъ, митрополитъ Кіево-Владимірскій, въ предѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ *водѣ* и нынѣ не велимъ тому тако быти, или то проклинать повелѣваемъ“ ²⁴⁾. Насколько крѣпко держался этотъ обычай въ быту славянскаго древне-русскаго человѣка, видно изъ того, что въ недавнее сравнительно время, въ половинѣ XIX ст., онъ примѣнялся въ Витебской губерніи (землѣ древнихъ Кривичей), въ Людинскомъ уѣздѣ, среди раскольниковъ. Молодой парень, условившись съ дѣвушкой, отправлялся къ священному озеру, объѣзжалъ его трижды вокругъ и тѣмъ какъ бы скрѣплялъ свой брачный союзъ ²⁵⁾. Отголосокъ древняго почитанія у нашихъ предковъ при заключеніи брака воды можно находить въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, имѣющихъ отношеніе къ указанному почитанію и доселѣ еще существующихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи,—тамъ, гдѣ не совсѣмъ еще искоренились различнаго рода языческія примѣры и суевѣрія. По свидѣтельству А. Коринескаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества доселѣ существуетъ обычай, по которому женихъ и невѣста кланутся надъ колодцемъ въ будущей супружеской вѣрности другъ другу, а въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по указанію того же автора, соблюдался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай молиться надъ родниками, хотя-бы тамъ и не было поставлено ни креста, ни часовни ²⁶⁾.... Въ Костромской губ. существуетъ въ настоящее время обычай, по которому во время гуляній молодыхъ людей на Красной горкѣ, въ первый день Троицкой недѣли, парни

²⁴⁾ А. Коринескаго: „Народная Русь“, стр. 65.

²⁵⁾ См. Сборникъ критическихъ и бібліографическихъ статей, отд. IV-й, стр. 101.—въ фонд. Библіотекѣ Тульск. духов. Семинаріи, №²⁸⁹/2.

²⁶⁾ А. Коринескаго: „Народ. Русь“, стр. 64—65.

обливаютъ водою тѣхъ дѣвушекъ, которыя имъ приглянулись, пришлось, какъ говорятъ, по сердцу. Зату дѣвушку, которую парень облилъ водою, онъ, по предписанію обычая, и долженъ свататься²⁷⁾. Несомнѣнно, въ основѣ указанныхъ нами брачныхъ обычаевъ, связанныхъ съ священнымъ почитаніемъ у нашихъ предковъ воды, лежатъ древнія миѣическія представленія. Какъ извѣстно, религія нашихъ предковъ славянъ состояла, съ одной стороны, въ поклоненіи стихійнымъ божествамъ, съ другой, въ почитаніи душъ умершихъ предковъ. Вода, какъ одна изъ стихій міра, безъ которой невозможна жизнь живого существа на землѣ, имѣла въ глазахъ славянина — язычника большое значеніе. Онъ надѣлилъ ее издавна вѣщою, цѣлительною силою и силою плодородія. Дождь, который шелъ съ неба, по представленію славянина — язычника, изливается облачною дожденосною дѣвою, вступавшею въ брачный союзъ съ богомъ-громовникомъ. Съ теченіемъ времени, съ дождевой воды сила плодородія была перенесена народомъ на рѣки, ручьи и озера. Какъ озера, такъ и другія водовмѣстилища, воображеніе древне-русскаго человѣка населило божествами, которыхъ онъ старался умиловить посильными дарами, жертвами. Одинъ изъ древнихъ нашихъ памятниковъ, такъ называемая „Густинская лѣтопись“²⁸⁾, рассказываетъ слѣдующее о языческихъ обычаяхъ, связанныхъ съ миѣическимъ почитаніемъ у древне-русскаго человѣка воды: „собравшеся юніи, играюще, вмѣтають человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тѣхъ боговъ, си есть бѣсовъ, разбиваются и умирають, или утопають; по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою поливаютъ, но одинако тому же бѣсу жертву сотворяють“²⁹⁾. Несомнѣнно, поливаніе, плесканіе водою, употреблявшееся при заключеніи брачнаго союза у древне-русскаго человѣка, имѣло значеніе освященія, замѣнявшаго собою церковное вѣнчаніе.

Сказанное нами о миѣическомъ значеніи воды у древне-русскаго человѣка находитъ для себя аналогію въ миѣическихъ представленіяхъ грековъ. По представленію славянина — языч-

²⁷⁾ Тамъ же, стр. 244—245.

²⁸⁾ Названіе „Густинской“ лѣтопись получила отъ имени Густинскаго Свято-Троицкаго монастыря, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губ., гдѣ она велась. Этотъ монастырь былъ основанъ въ 1600 г., въ 1799 г. закрытъ, а въ 1843 г. возобновленъ.

²⁹⁾ А. Коринескаго: „Народная Русь“, стр. 245.